

Людмила
ГУРЧЕНКО

*«Любить человека, который что-то
делает лучше тебя, очень трудно»*

ПОСТОЯННО
РЕПУБЛИКА

Людмила Гурченко

«Издательство АСТ»

2014

Людмила Гурченко / «Издательство АСТ», 2014

На вопрос, как ее объявлять, она обычно говорила просто: «Как хотите, только без званий. Лучше всего – «У вас в гостях...». И действительно, зачем перечислять звания и награды или фильмы, в которых она играла? Все и так знают, кто она. И у каждого есть свое мнение о ней. Кто-то ее любит, кто-то ненавидит, но к ней невозможно остаться равнодушным. Индивидуальность, яркость, непохожесть на других мгновенно выделяют ее из любой толпы и привлекают к ней зрительское внимание. Таких, как она, ни в советском, ни в российском кино больше не было. Да и вряд ли будет. Чтобы стать Людмилой Гурченко, мало родиться талантливой, надо еще пройти оккупацию, преодолеть испытание «медными трубами», пережить годы гонений и забвения. Она создала себя сама, раз за разом восставая из пепла словно феникс. Актриса, которую невозможно забыть.

, 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Людмила Гурченко

Сост. Е. Мишаненкова

Пролог

На вопрос, как ее объявлять, она обычно говорила просто: «Как хотите, только без званий. Лучше всего – «У вас в гостях...». И действительно, зачем перечислять звания и награды или фильмы, в которых она играла? Все и так знают, кто она. Стоило конференсье объявить: «А сегодня у вас в гостях Людмила Гурченко!» – и зал взрывался аплодисментами.

Ее на самом деле знают абсолютно все. И у каждого есть свое мнение о ней. Кто-то ее любит, кто-то ненавидит, но к ней невозможно остаться равнодушным. Ее индивидуальность, яркость, непохожесть на других мгновенно выделяют Людмилу Гурченко из любой толпы и привлекают к ней зрительское внимание даже в крохотном эпизоде. Так было пятьдесят лет назад, когда она только начинала свою актерскую карьеру, так оставалось и до ее последнего часа.

Ее любят изображать пародисты – естественно, ведь это очень легко. Любого другого актера зрители могут узнать, а могут и не узнать, но стоит заговорить голосом Людмилы Гурченко и сделать несколько ее характерных жестов, как зал в полном восторге.

Она сыграла в кино не так уж много главных ролей, ведь полтора десятка лет ее практически не пускали на экраны. А стоило ей наконец пробиться, развернуться во всю ширь своего огромного таланта, как началась Перестройка, и фильмы почти перестали снимать. Но даже в таких трудных условиях, постоянно сражаясь за место под солнцем, борясь за каждую роль, Людмила Гурченко сумела стать звездой. Не звездочкой, снявшейся в одном фильме и разрекламированной желтой прессой, а настоящей звездой, причем во всех жанрах, в которых ей приходилось играть.

Наверное, она единственная артистка, у которой не было устоявшегося амплуа. Она одинаково блистала в драмах, комедиях, мюзиклах, на эстраде и в концертах. Ее таланта хватало на все, и каждую свою роль она играла в полную силу, отдавая будущему фильму всю себя без остатка. «Какой она партнер! – говорил о Гурченко Эльдар Рязанов. – Находясь за кадром, то есть невидимой для зрителей, она подыгрывала Олегу Басилашвили и, помогая мне вызвать у него нужное состояние, плакала, страдала, отдавала огромное количество душевных сил только для того, чтобы партнер сыграл в полную мощь...»

Таких как она ни в советском, ни в российском кино больше не было. Да и вряд ли будет. Чтобы стать Людмилой Гурченко, мало родиться талантливой, надо еще пройти оккупацию, преодолеть испытание «медными трубами», пережить годы гонений и забвения. Она создала себя сама, раз за разом восстаивая из пепла словно феникс.

Актриса, которую невозможно забыть.

Людмила Гурченко.

Глава 1

Людмила Марковна Гурченко родилась 12 ноября 1935 года в прекрасном украинском городе Харькове, в семье Марка Гавриловича Гурченко (1898–1973) и Елены Александровны Симоновой-Гурченко (1917–1999).

Людмила Гурченко любила говорить, немножко бравируя таким контрастом, что ее мать происходила из дворян, а отец – из батраков. Необычная пара. И действительно – чем больше читаешь рассказы актрисы о ее родителях, тем лучше понимаешь, что трудно представить себе двух более разных людей. Но несмотря на все различия... а может быть, и как раз благодаря им, они прожили вместе много лет и воспитали совершенно необыкновенную дочь.

Конечно, можно сколько угодно говорить о врожденных качествах, судьбе, предопределении, но все же человека формирует его ближайшее окружение и в первую очередь семья. И Людмила Гурченко сама не раз повторяла и в своих биографических книгах, и в многочисленных интервью, что ее – такую, какая она есть – создала ее семья. Именно от родителей, и в первую очередь от отца, она получила свою искрящую жизнерадостность, умение всегда оказываться в центре внимания, ну и конечно же – огромную любовь к музыке.

Хотя, вообще-то, и ее дед с материнской стороны прекрасно пел и считал, что музыкальность внука получила как раз от него. В свое время он очень сожалел, что дочь не унаследовала его музыкальные таланты, но говорил, что это неудивительно, такие способности передаются через поколение. Так и получилось – спустя много лет Людмила Гурченко точно так же сокрушалась, что ее собственная дочь не испытывает никакой тяги к музыке.

Впрочем, Александра Прокофьевича Симонова – своего деда по материнской линии – она видела всего раз в жизни. Он был человеком очень интеллигентным, происходил из хорошей семьи и до революции был директором одной из московских гимназий. Революцию он не принял, тем более что и жена его, Татьяна Ивановна, настоящая столбовая дворянка, была настроена крайне непреклонно. «Неужто ты – Симонов! – будешь мужичонков обучать?! Не бывать этому!» – говорила она. Что поделать, тогда они и правда верили, что нужно только потерпеть, переждать, и все вернется на круги своя.

Ничего, конечно же, не вернулось, им пришлось смириться с новой властью и попытаться забыть о прошлом, но вот новая власть о них не забыла – в середине 20-х Александра Прокофьевича арестовали и выслали в Сибирь, а все его имущество конфисковали. Правда, семью не тронули, поэтому он надеялся, что сможет устроиться на новом месте, и тогда они переедут к нему.

Но жизнь повернулась иначе. В ссылке Александр Прокофьевич завел роман с другой женщиной. И хотя, как это чаще всего и бывает, он вскоре опомнился и пытался помириться с женой, та не пожелала его прощать. К тому времени их шестеро сыновей – Владимир, Сергей, Юрий, Борис, Александр и Константин – уже были достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно работать и учиться, в помощи отца они не нуждались. Ну а две дочери – Елена и Лидия еще оставались на попечении матери.

Им тогда пришлось нелегко, ведь у Татьяны Ивановны, столбовой дворянки, супруги важного человека, конечно же, не было никакой профессии. Она воспитывалась как будущая хозяйка дома и мать семейства. Но когда ей пришлось выживать своими силами, она не опустила руки. Татьяна Ивановна с дочерьми переехала в Харьков, где ее сын Сергей работал инженером на железной дороге, сняла маленькую комнату на окраине и устроилась уборщицей на Харьковском велосипедном заводе.

Какой была Татьяна Ивановна в молодости? Какой бы она стала, не будь революции, предательства мужа, страха и разорения? Кто знает. Но тяжелая жизнь превратила ее в нелегкого человека. Честного, порядочного, но не слишком приятного – от таких пуритански строгих,

расчетливых, жестких женщин все стараются держаться подальше. А уж мужчины и дети особенно.

Мать Людмилы Гурченко вспоминала, что в их доме всегда царили строгость, порядок и экономия. Даже в те времена, когда отца еще не арестовали. Детей воспитывали сурово – мать они называли на «вы», питались очень просто, одевались тоже в самую простую одежду, за любую провинность их строго наказывали... а между тем все у них было – и деликатесы, и наряды. Просто такие в семье были правила, что все лучшее приберегалось на «потом», «на вырост», ну и, конечно, на праздники, во время которых детям позволялось и нарядиться, и вкусно поесть, и, возможно, даже нарушить какие-то правила.

Это «потом» так никогда и не настало – все приберегаемое конфисковали, а Татьяна Ивановна стала работать уборщицей и содержать дочерей, Елену и Лиду, на свою крошечную зарплату... Смешно и грустно, но для девочек не так уж многое и изменилось. Их жизнь осталась такой же серой, простой и по-казарменному строгой. Вот только не стало больше праздников, в ожидании которых они жили прежде. На это денег не хватало.

А потом в серой жизни Елены Симоновой появился Марк Гурченко...

Вот именно такой была речь Марка Гавриловича Гурченко, и его дочь всегда, рассказывая о нем, с удовольствием воспроизводила его неповторимый стиль. Она считала, что без этой речи его образ будет неполным, не совсем настоящим, лишенным его живости и обаяния. Причем, на самом деле, Марк Гурченко прекрасно умел говорить на правильном русском языке и даже с московским выговором. Он иногда любил ошарашить этим знакомых, которым что-то рассказывал в своей обычной манере, а потом, пародируя своего шурина Бориса или еще кого-нибудь, вдруг выдавал фразу безо всякого диалекта, на литературном языке и даже твердо, по-русски, выговаривая букву «г». Но постоянно так говорить отказывался, предпочитая свою привычную, простонародную, живую, полную украинизмов, речь.

Родился Марк Гаврилович в деревне Дунаевщина Рославльского района Смоленской области. Любопытная подробность – родился он в 1898 году, но всем говорил, что в 1899-м. Объяснял он это тем, что те, кто родился в 1898 году, еще служили в царской армии, а кто младше – уже не попали под последний призыв. А поскольку он не служил, значит, и родился в 1899 году. Такая вот у него была собственная оригинальная логика.

Жизнь у него, как у подавляющего большинства крестьян, конечно, была нелегкая. С девяти лет он уже работал – пас помещичьих лошадей. Отец бил его смертным боем, и даже не со зла, а потому что так принято было – не меньше доставалось остальным детям, да и матери тоже. Но никаким побоям было не сломить его брызжущую жизнерадостность. Да и зла он на отца нисколько не держал ни за побои, ни даже за то, что тот едва не пристрелил его, когда он решился однажды дать сдачи. К счастью, ружье дало осечку.

Впрочем... учитывая, как Марк Гаврилович любил приукрашивать истории из своей жизни, полностью верить тому, что он рассказывал, было нельзя. Людмила Гурченко вспоминала, например, как отец часто рассказывал, что когда он на войне выступал в военно-прифронтовой концертной бригаде, маршал Рокоссовский ему лично баян подарил. И каждый раз история обрастала новыми деталями и видоизменялась в зависимости от его настроения. Иногда баян вручал ему лично Рокоссовский, иногда ему уже после концерта передавали от маршала баян и личную благодарность, а как-то раз и вовсе получилось, что выступал он перед Рокоссовским, а баян ему вручил сам Жуков. На самом же деле все было несколько прозаичнее – Марку Гурченко вручили баян «Фрателли Грозио» и грамоту за отличное служение Родине и честное отношение к своему долгу. И перед Рокоссовским он действительно однажды выступал. Но эти два события были никак между собой не связаны.

Но история с баяном была уже в Великую Отечественную, а с Еленой Симоновой Марк познакомился в 1934 году. К тому времени он уже успел повоевать в Гражданскую, потом уехал в Кривой Рог работать на шахтах забойщиком, а в 1932 году оказался в Харькове. Тогда

многих способных рабочих отправляли получать образование, а он был известен как музыкант – сам освоил гармонь, а потом и баян, играл на всех праздниках. Вот его и послали учиться. Но профессионального музыканта из него не вышло, он сам признавал, что не по его образованию был этот институт – два года он «вгрызался» в науку, пытался понять теорию, гармонию, а заодно и политэкономия, без которой в то время ни одна специальность не обходилась – и все, терпение его иссякло.

Вот так и состоялось его знакомство с Еленой Симоновой. Она в то время училась в девятом классе, была младше него на девятнадцать лет и, конечно, смотрела на него как на взрослого дядю, но... Синеглазый, темноволосый, с ослепительной улыбкой, музыкальный и пластичный, танцующий лучше всех вокруг – он был словно живым воплощением того праздника, о котором она в родном доме уже и забыла. «Может, тогда и надо было мне от него отойти, но куда? – вспоминала она о том, как он сделал ей предложение. – У мамы моей мрак. А ко мне никто в жизни так не относился, а я уже привыкла, что есть Марк. Потом изучила его характер, обходила углы, чуяла, откуда ветер. Всю жизнь как на бочке с порохом. А мама с тетей Лидой еще ничего тогда не знали. Потом узнали... в школу ходить перестала...»

Татьяна Ивановна зятя-батрака, конечно, не приняла, но Елена обошлась и без ее согласия – просто расписалась в загсе и ушла жить к Марку. Ее сестре Лиде было строго-настрого запрещено с ней общаться. Но куда там! Марк Гаврилович же кормил Лиду конфетами, которых она в родном доме не видела, наверное, с тех пор, как сослали отца. Конечно, она была на стороне его и Елены и предупредила их, когда Татьяна Ивановна решила прислать сыновей, чтобы они забрали непутевую сестру домой.

Дело закончилось дракой, в которой Марк, конечно, победил интеллигентных Симоновых, после чего они его сразу зауважали. А потом пришел черед и Татьяны Ивановны – со временем и она поддалась на его обаяние, оценила его жизнелюбие, любовь к семье и твердый характер. Людмила Гурченко вспоминала, что бабушка с удовольствием их навещала, а о зяте говорила: «Это не какой-нибудь подлечуга и провокатор. Жаль, не дал ему господь образования, но человек он удивительно доброкачественный и красивый».

Глава 2

Когда родилась Людмила, ее матери было всего восемнадцать лет. Школу Елена Симонова-Гурченко так и не закончила – выйдя замуж, стала работать вместе с мужем. К тому времени он, в том числе и с ее помощью, был уже довольно популярным массовиком и проводил разные праздники, утренники, вечера как для детей в школах и Дворце пионеров, так и для взрослых – в рабочих клубах и на предприятиях.

Когда Елене пришло время рожать, имя для будущего ребенка было еще не выбрано. То ли из суеверия, то ли никак они с мужем не могли во мнениях сойтись, то ли просто были заняты так, что не было времени серьезно подумать и обсудить. В итоге, дело решил случай. Когда Марк Гаврилович отвез жену в роддом, он на нервной почве пошел в ближайший кино-театр. И там его неожиданно до глубины души впечатлил какой-то приключенческий американский фильм, где красавец Алан спасал свою похищенную возлюбленную Люси. Он вернулся в роддом и послал жене записку: «Лель! Детка моя! Если в меня будить орел, назовем Алан. Если девычка, хай будить Люси».

Елена даже спорить не стала – слишком хорошо знала его упрямый характер. Только вздохнула с облегчением, когда родилась девочка, – имя Алан Маркович ей казалось уж слишком ужасным. Кстати говоря, тогда, как и сейчас, подобные «выпендрежи» были не редкостью – увлеченные заграничным шиком, родители называли детей Джонами и Изабеллами, а иногда могли и вовсе дать имя с афиши, не интересуясь его значением – Баядера или Травиата.

К счастью, Людмиле Гурченко повезло с загсом, где ее регистрировали. Там сказали, что имени Люси нет, и предложили назвать девочку старым славянским именем Людмила, которое в домашнем обиходе можно легко сокращать до Люси, если родителям так нравится.

Первые годы своей жизни будущая великая артистка прожила в маленькой подвальной комнатке в Мордвиновском переулке города Харькова. Но разве в детстве так уж важно, где ты живешь, в хоромах или в чулане? Главное – маленькую Люсю очень любили родители, особенно отец, и она тоже их обожала. Поэтому свое раннее детство она вспоминала как сплошной праздник. Да что там – все, кто бывал у них в доме, запоминали этот праздник, который так легко и умело создавал Марк Гаврилович одним своим присутствием.

Кто бы ни приходил к ним в гости, ему накрывался стол, хозяин доставал баян, и начинался концерт, в котором очень быстро стала участвовать и его маленькая дочь. Людмила Гурченко вообще часто повторяла, что она выросла в музыкальное время и в музыкальной семье, поэтому петь научилась раньше, чем говорить. Отец радовался ее талантам, с удовольствием демонстрировал их всем гостям и даже не забывал «платить» дочери за ее «выступления» конфетами.

Большая часть детских воспоминаний Людмилы Гурченко так или иначе связана с ее отцом. В своей книге «Мое взрослое детство» она постоянно его вспоминает, рассказывает, каким он был веселым, красивым, дружелюбным – душа компании! Без сомнения, она была «папиной дочкой», чего, впрочем, и не скрывала. Она пела и плясала вместе с ним, скрывала от матери, когда узнавала что-то о его флирте с другими женщинами, восхищалась его добротой, широтой души, щедростью и чистой, почти детской душевностью и открытостью.

Глава 3

Счастливое детство прервала война. Маленькой Люсе было пять с половиной лет, когда в один прекрасный солнечный день, с виду ничем не отличающийся от остальных июньских дней, родители забрали ее из летнего детсадовского лагеря и увезли домой, в Харьков. Город уже бомбили, отец собирался добровольцем на фронт (из-за двух грыж он не подлежал призыву), мама плакала, все бегали, суетились, а пятилетняя девочка еще не понимала, что прежней жизни пришел конец.

Но непонимание длилось недолго. Марк Гаврилович, несмотря на возражения жены, взял дочь в город после бомбежки. Он знал, что такое война – пережил уже и Первую мировую, и Гражданскую – и знал, что нет смысла пытаться оградить ребенка от происходящего. Пришла пора взрослеть.

И пятилетняя Люся пошла вместе с отцом смотреть на развалины, оставшиеся от ее любимого Дворца пионеров и от сверкающего городского пассажа, на раненых людей, на кровь, слезы, боль и смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.